РАЗДЕЛ 2.

БРИТАНСКИЕ СЮЖЕТЫ В СУДЬБАХ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ

А. П. Скорик*

АНГЛИЙСКИЙ СЛЕД В ЖИЗНЕННОЙ ТРАЕКТОРИИ ВИХОРЬ-АТАМАНА М.И. ПЛАТОВА

В представленной статье освещается один из фрагментов биографии героя Отечественной войны 1812 г. и участника многих других блестящих побед русского оружия, Донского войскового атамана, генерала от кавалерии, графа М.И. Платова, связанный с его личным пребыванием в Англии и передаваемый автором в исторических деталях, в большинстве своем неизвестных, как широкой публике, так и научному сообществу. Британия и британцы оставили неизгладимый след в памяти донского героя.

Ключевые слова: атаман М. Платов; Великобритания; британская ответственность, британские медиа.

Донской войсковой атаман, генерал от кавалерии, граф Матвей Иванович Платов – достаточно известная фигура в национальной истории России, и вовсе не случайно он изображен в числе других 128 российских деятелей на памятнике «1000-летие России» (1862) в Великом Новгороде. Русский поэт Гавриил Романович Державин в стихотворении «Атаману и войску Донскому» очень точно и справедливо подметил европейское значение немеркнувшей воинской доблести и славы донского атамана, когда в 1807 г., еще до его подвигов в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, написал:

Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падёшь, как снег ты с туч иль дождь...

* СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасского политехнического института) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия. Электронная почта: s_a_p@mail.ru.

Ему вторил поэт Василий Андреевич Жуковский: «Хвала, наш Вихорь-атаман; // Вождь невредимых, Платов!».

Писали о М. И. Платове много и часто, писали различные авторы: профессиональные историки, краеведы, писатели, поэтому историография биографических изданий о Платове вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Однако на фоне сложившегося большого массива разнообразной информации некоторые сюжеты биографии донского атамана остаются частными фрагментами, порой не всегда заметными для широкой публики и для научной аудитории. В этой связи мы решили обобщить материалы, которые связывают личность М. И. Платова с туманным Альбионом, раскрыть английский след в жизненной траектории вихорь-атамана. Причем, здесь своеобразно перемешались вымысел и быль, эпическое и историческое, предание старины и реальные факты.

Историческим фактом является пребывание М. И. Платова в Англии в составе свиты российского императора Александра I во время государственного визита в Великобританию во второй половине мая – июне 1814 г. [7, с. 203–249]. Согласно сохранившимся свидетельствам, англичане высоко ценили значение партизанских действий во время Отечественной войны 1812 г., поэтому считали казаков главной силой, которая дезорганизовала «великую армию» Наполеона, вторгшуюся в Россию. Уже в декабре 1812 г. лондонская газета «The Antigallican Monitor and Anti-Corsican chronicle» поместила портрет М.И. Платова со статьей Леви Гольд-Смита о судьбе и боевых подвигах российского генерала [8, с. 58].

Со ссылкой на публикацию в № 102 за 1812 г. газеты почтового департамента Министерства внутренних дел Российской империи «Северная почта» (выходившей два раза в неделю и часто помещавшей на своих страницах иностранные известия), М. П. Астапенко приводит следующую выдержку из лондонской газеты конца 1812 г.: «Непрестанно получаемые здесь известия об успехах российского оружия, можно сказать, приводят в восторг всю Англию. Повсеместные пиршества изъявляют совершенно искреннее участие в сих торжествах над общим неприятелем. ...Имена Кутузова, Платова, Витгенштейна носят из уст в уста во всех обществах и беседах. Рюмки стучат, вино разливается повсюду: и если русские продолжают и далее успехи свои, то они лишат не только неприятелей своих французов их могущества на твердой земле, но и у нас от сих побед не станет вина, или, по крайней мере, оно очень вздорожает» [1].

На рост колоссальной популярности М. И. Платова в среде английской общественности отчасти оказало влияние нахождение в марте-апреле 1813 г. в Лондоне донского казака Александра Григорьевича Землянухина, прибывшего к англичанам с известием о взятии Гамбурга, одного из важнейших торгово-экономических партнеров Британии. Землянухина даже специально пригласили в английский парламент, чтобы поближе познакомиться и поговорить с рядовым воином и попытаться понять, кто же именно в России сверг с пьедестала непобедимого Наполеона. Англичан интересовали мельчайшие подробности, вплоть до казачьих приёмов ведения боя. Однако это уже отдельная история, вполне заслуживающая самостоятельного рассмотрения.

Тем самым, становится вполне очевидным, что имя донского атамана было известно в Англии еще до начала победоносных заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и до непосредственного приезда самого М. И. Платова в Лондон в составе официальной российской делегации во главе с императором Александром I. Соответственно британская общественность оказалась подготовлена к предстоящей встрече с легендарным предводителем донского казачества. Англичане даже сочинили песню, где есть такие слова о Наполеоне и казаках: «Бежит, позором покровенный, // А вслед за ним летит казак...» [6, с. 391].

В результате публикаций в британской прессе сформировалось восторженное отношение англичан к донскому атаману, и будто бы они в буквальном смысле перенесли Платова на руках с прибывшего в Англию судна на берег. Причем, произошел казус, когда вначале по ошибке приподняли на руки другого генерала, но, выяснив свою оплошность, английская встречающая публика опустила его прямо в воду и тут же вернулась за Платовым, чтобы достойно вознести высокочтимого своего героя на берег [4, с. 364–365].

Как почетного гостя Платова поселили в шикарном доме одного английского герцога, а в распоряжении атамана была прислуга, обеспечивавшая комфортное и спокойное проживание. Пребывание в Лондоне для Матвея Ивановича оказалось наполненным множеством встреч, знакомств и различных мероприятий, которые занимали практически всё время. Здесь состоялось его знакомство с известным в последующем английским писателем, одним из основателей жанра исторического романа сэром Вальтером Скоттом. Беседы с Платовым, как человеком, лично встречавшимся и долго воевавшим с Наполеоном,

позволили английскому писателю добавить многие штрихи к портрету известного исторического деятеля в двухтомном романе «Жизнь Наполеона Бонапарта – императора французов», впервые вышедшем из печати в 1827 г.

Занимательная история приключилась с боевым конем донского атамана по кличке Леонид, с которым Платов прошел несколько военных кампаний и неоднократно появлялся в общественных местах Лондона. Там местные дамы умудрились подрезать лошади хвост и забрали себе на память кусочки конского волоса, которые хранили наряду с портретами легендарного атамана в своих медальонах. «Легче на поле боя, чем быть в плену восторженных поклонников и особливо поклонниц», – шутя, говорил Матвей Иванович [6, с. 388].

Конь отличился на специально устроенных 20 мая 1814 г. в честь почетных российских гостей скачках, где обошел на тридцативерстной дистанции (32 км) знаменитого английского скакуна по кличке Шарпер, хотя славный дончак поделил по итогам состоявшегося забега второе и третье места. Причем, Леонид оказался единственной строевой лошастью среди других участников состязания, которые специально заранее готовились к скачкам. В качестве наездника на атаманском боевом коне в соревнованиях принял участие простой казак, сопровождавший тогда М. И. Платова. Конь Леонид приглянулся принцу-регенту Георгу IV, и по его заказу величавый белый спутник вихорь-атамана придворный художник срочно изобразил на картине, которую британская монаршая особа подарила Платову. Наш граф тоже решил не оставаться в долгу, хотя и грустно было расставаться с дорогим своим другом, но атаман подарил в благодарность за оказанный великодушный прием славного боевого коня в полном казачьем снаряжении Георгу IV. Донской буцефал тут же отправился под особый надзор в королевскую конюшню [8, с. 65]. Более того, принц-регент в знак признательности за дорогой ему подарок и на память о посещении Англии вручил Платову свой портрет, обрамленный бриллиантами, для ношения груди на ленте наиболее почетного британского Ордена Подвязки. Этот высший английский орден из российских гостей получил тогда только лишь император Александр I, ставший его 641-м кавалером (кстати, первым в России). В ответ на знаковый подарок Георга IV Платов заявил, что он им дорожит больше, чем всеми орденами [4, с. 365].

На оборотной стороне портрета была выгравирована надпись, которая в переводе на русский язык гласила: «Его Ко-

ролевского Высочества Георга, Августа Фридриха, Принца Регента Соединённого Великобританского и Ирландского Королевства, Атаману Генералу Графу Платову, в ознаменование почтения, уважения и удивления к бессмертным подвигам, подъятым для пользы Отечества своего и для спасения Европы. 1814» [8, с. 65].

Кроме того, принц-регент Георг IV приказал лучшему в Англии художнику сделать портрет донского атамана. Как мы полагаем, эту работу выполнил сэр Томас Лоуренс, главный художник короля с 1792 г., к которому благоговел наследник престола, кстати, отчасти и потому, что названный художник мог в очень короткие сроки нарисовать заказанный ему портрет. Изготовленный с натуры портрет М. И. Платова занял достойное место в королевском собрании живописи, рядом с другими почитаемыми героями прошлого и данного времени.

Примечательно, что проявленный Платовым житейский интерес к английским часам тут же был удовлетворен Георгом IV, который с подачи догадливого хозяина дома, где разместился почетный гость, подарил российскому графу прекраснейшие часы с изображением своего герба. И еще одна интересная деталь: когда принц-регент решил пожаловать по просьбе российского императора титул баронета Британской империи Якову Васильевичу Виллие (1768–1854), лейб-медику Александра I, и узнал о давних приятельских отношениях императорского врача с М. И. Платовым, то Георг IV тут же воспользовался саблей графа для троекратного прикосновения к плечам нового баронета, совершая старинный британский обряд [8, с. 59, 64, 65-66].

Донской атаман считался желанным гостем не только в домах английской аристократии, но и на банкетах, устраиваемых горожанами, на спектаклях городских театров, где открыто проявлялись народная доброжелательность к уважаемому гостю и искренняя радость в отношении его присутствия. Его узнавали, едва он появлялся на улице даже в обычном костюме; лондонцы встречали его радостными и шумными восклицаниями: «Ура! Ура! Платов!» Ежедневно Платов получал одновременно несколько приглашений на обед, на вечер, на бал, и старался не отказывать, понимая искренность желаний приглашавших. Этим пользовались расчетливые антрепренеры лондонских театров, приглашая то на премьеру, то на замечательный спектакль. Получив согласие графа, они тут развешивали многочисленные афиши, где сообщали, что на спектакле будет сам Платов. Хотя донской атаман не очень любил такие представления, он не от-

казывал просителям и, бывало, за один вечер посещал по три спектакля, удовлетворяя желание лондонской публики увидеть героя. Платов же, дождавшись, когда громкие и продолжительные овации утихнут и спектакль пойдет по своему сценарию, или зрители вновь увлекутся поставленной пьесой, немного посидев, незаметно удалялся. Порой приходилось идти на представление после званого обеда или ужина, но усталый атаман не забывал о долге перед гостеприимными британцами. В результате порой он возвращался на свою квартиру за полночь [8, с. 62–64]. На всю оставшуюся жизнь у М. И. Платова сохранилась сформировавшаяся тогда в Англии привычка пить с интересными ему гостями или просто нужными людьми чай, засиживаясь надолго вечерами, а то и до 4-5 часов утра [2, с. 409].

Оксфордский университет присвоил Матвею Ивановичу Платову во время его пребывания в Англии звание почетного доктора права. Решение с подробным перечислением заслуг российского генерала огласил почетный ректор Оксфордского университета, лорд Уильям Гренвиль. Донской атаман оказался в одном ряду с такими выдающимися деятелями российской науки и культуры, как Анна Андреевна Ахматова, Виктор Максимович Жирмунский, Василий Андреевич Жуковский, Николай Михайлович Зёрнов, Евгений Алексеевич Косминский, Михаил Иванович Ростовцев, Мстислав Леопольдович Ростропович, Борис Викторович Сапунов, Иван Сергеевич Тургенев, Корней Иванович Чуковский, Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Уже после отъезда донского атамана благодарные англичане передали ему знамя и бунчук для Войска Донского, а также персональную почетную саблю от жителей города Лондона. Эмалевые медальоны на эфесе сабли мастер украсил, с одной стороны, вензелем имени графа М. И. Платова, а с другой стороны – изображением герба Соединенного Королевства Великобританского и Ирландского. Кроме того, верх сабли (рукоять, гарду) первоначально украшали алмазы и другие драгоценные камни, а еще в некоторых местах сабля была покрыта тончайшим слоем золота, но эти дорогие элементы до настоящего времени не сохранились (у казачьей реликвии оказалась очень сложная судьба). Великолепие работы подчеркивают ножны, где представлены выгравированные различные воинские сцены из прошлых знаменитых битв с участием легендарного атамана, подчеркивающие немеркнущие подвиги и неувядаемую славу графа Платова. На клинок была нанесена памятная надпись

на английском языке, которая в переводе на русскую лексику того времени гласила: «Общее собрание думы города Лондона в заседании, происходившем в среду 8 июля 1814 г.а, определило поднести саблю сию Атаману Графу Платову в ознаменование живейших чувствований, коими сия дума одушевлена к глубоким познаниям его, блистательным дарованиям, высоте духа и неколебимому мужеству, оказанным в продолжение долговременной брани, предпринятой для утверждения мира, тишины и блаженствия Европы» [8, с. 78]. Чтобы подчеркнуть свое особое отношение к донскому герою, лондонский лорд-мэр по поручению общего собрания обратился с просьбой о вручении почетной сабли к национальному герою Англии, первому герцогу Веллингтону, Артуру Уэлсли, который приложил к подарку лондонцев своё восторженное сопроводительное письмо.

В этом послании первый герцог Веллингтон писал: «Сиятельный Граф, Милостивый Государь! Честь имею при сем письме препроводить к Вашему Сиятельству саблю, доставленную ко мне Лордом-Мэром города Лондона и подносимую Вам, Милостивый Государь. Я не могу выразить, сколь лестно для меня быть изъяснителем чувствований, удивления и признательности соотечественников моих к тем великим подвигам, коими вы достойно прославили себя при защите Европы! С истинным почтением и преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга Герцог Веллингтон. Париж. 19 октября 1815 г.» [8, с. 85].

Весьма польщённый хвалебным письмом и взволнованный общественным вниманием британцев к своей персоне, М. И. Платов написал первому герцогу Веллингтону следующее ответное письмо: «Его Светлость, Господин Генерал-Фельдмаршал Дюк-Веллингтон, при отношении своём ко мне, препроводил саблю, которую всё высокочтимое сословие города Лондона, чрез посредство Вашего Сиятельства, удостоило меня. Приемля, сей отличный и весьма лестный для меня знак с чувством истинной признательности, я не могу, однако же, отнести прямо к себе всю приписываемую мне оным славу. Но, видя из сего искренность и доброжелательство, коими великая и знаменитая достоинства своими нация почтила меня свыше заслуг моих во время бытности моей в Лондоне, что себя счастливейшим, что провидение Божеское и благодать Всеавгустейшего Монарха моего дозволили мне участвовать в столь блистательнейшей для всей Европы эпохе, которою ознаменовались последние протекшие три г.а. Позвольте мне, Милостивый Государь! покорнейше

просить Ваше Сиятельство о принятии на себя труда засвидетельствовать пред всем высокопочтеннейшим сословием города Лондона мою искреннюю благодарность за таковое онаго ко мне внимание и удостоверить, что я, ценя оное в полной мере, не премину на всегда памятовать о том, сохранить к нему глубочайшее к нему высокопочитание и предать потомству моему те чувства признательности, коими преисполняюсь к Великобританскому народу, утверждающему уважением к другим собственное к себе почтение» [8, 85–86].

Почетная сабля из Лондона была передана донскому атаману в Париже вместе со знаменем и бунчуком для всего Войска Донского, когда он вторично прибыл во французскую столицу после окончательного разгрома Наполеона [4, с. 366]. Историческая реликвия, свидетельствующая о международном признании воинской доблести и заслуг лично М. И. Платова и всего донского казачества перед европейскими народами, сегодня хранится в Музее истории донского казачества в Новочеркасске. У этой, теперь уже казачьей, реликвии сложилась своя собственная история с учетом бурных событий XX в., прокатившихся по донской земле. Конкретно-исторические детали её вторичного обретения и последующего возврата в уникальное музейное собрание заслуживают отдельного исследования. Отношение же самого атамана М. И. Платова к изысканным подаркам британцев и его хвalebному чествованию в Лондоне выражается в приписываемой ему фразе: «Меня свои так не награждали» [2, с. 401], которая, судя по обобщенным нами историческим фактам, вполне могла быть действительно произнесена, поскольку граф и после возвращения в Россию часто вспоминал свое пребывание в Англии и поистине восторженный приём, оказанный ему британцами.

Есть и у британского подарка не только историческая, но и вполне земная, рыночная цена, которая была установлена при подготовке подарка. По утверждению М. П. Астапенко, первоначальная надпись на клинке была иной, нежели утверждает Н. Смирный. На клинке сабли по желанию благодарных лондонцев мастер вытравил следующий текст на английском языке: «Совет города Лондона, в общем собрании в Гильгальской Палате, в среду, 8 июня 1814 г. а единодушно положил: поднести атаману графу Платову саблю, в 200 гиней, в изъявление высшего почтения, которое Палата питает к великому искусству, блистательным талантам и непреоборимой храбрости, выказанным им в течение многочисленных битв, в которых он принимал участие для обеспечения свободы, спокойствия и благоденствия Европы» [1].

Тем самым, если учесть британскую цену сабли в 200 гиней, вес каждой золотой гиней того времени в пределах среднего колебания 8,3–8,5 г при установленном в ней содержании золота не менее 90 %, то граф М. И. Платов получил подарок равный по стоимости 1512 г чистого золота. При средней мировой цене, установившейся в апреле 2014 г., на уровне 1285,1 долл. США за тройную унцию (31,1034768 г.) получается, что современная стоимость подарка лондонцев составляет 62472 долл. США. Однако непременно подчеркнем, историческая ценность стоимость почетной сабли вовсе не может быть измерена сегодня исключительно золотым эквивалентом.

Пребывание М. И. Платова в Лондоне было отмечено еще одним весьма знаменательным событием, заранее подготовленным военным ведомством Англии, решившим оказать почетному гостю особую честь и показавшим в начале пребывания российской делегации британские морские верфи, в том числе завершающийся постройкой военный корабль. Позже, в присутствии уже самого атамана М. И. Платова англичане спустили на воду парусный линейный 80-пушечный корабль военно-морских сил Британии и дали трёхмачтовому деревянному военному кораблю победоносное имя «Граф Платов». По утверждению А. Ф. Корольченко, донской атамана на третьей неделе своего пребывания в Лондоне прибыл на верфь и лично выбил молотком клин из-под доски, и новейшее «судно под ликующие крики заскользило по направляющим брусам и тяжело осело на воду» [6, с. 394]. Когда Платов уезжал из Англии, то его провезли мимо именного корабля, а команда торжественным построением в черно-белой форме проводила своего почетного шефа.

Естественно, у самого М. И. Платова, его современников и потомков неоднократно возникал вопрос, почему «чопорные англичане» так приветливо встречали донского атамана?! Историк А. В. Венков отвечает словами Алексея Кислякова, находившегося неотлучно при атамане в Англии, на этот вопрос так: «А ты знаешь, Матвей Иванович, какие англичане убытки при Бонапарте несли? Торговлю-то он им перекрыл. Разорил вконец...» [2, с. 401].

Во времени нахождения М. И. Платова в Лондоне относится также еще одна довольно занимательная история. Речь идет о том, как российскому императору Александру I искусные мастера-оружейники английского короля преподнесли в дар миниатюрную стальную блоху, которая была снабжена сложным внутренним механизмом, благодаря чему могла двигаться, или как бы пританцовывать. Принимая занятный подарок, российский

император выразил свое искреннее восхищение уникальным талантом английских мастеров. Присутствовавший при этом подношении М. И. Платов повел себя иначе, нежели Александр I, и тут же публично заявил, что наши русские мастера и не такое могут сделать, и нисколько не уступят англичанам в своем ремесленном искусстве. Согласно сохранившемуся преданию, атаман отправил подаренную императору стальную блоху в Тулу с поручением для здешних мастеров-оружейников внимательно посмотреть на английское изобретение и сделать нечто более замечательное, чтобы непременно перещегоолять англичан. Наши тульские умельцы не заставили себя долго ждать: они умудрились не только подковать английскую блоху сразу на все ноги мельчайшими гвоздиками, но и еще на каждой из микроскопических подковок выгравировали свои собственные имена. Работу тульские мастера выполнили настолько искусно, что заметить можно было сделанные ими подковки для стальной блохи только под большим увеличительным стеклом. Этот почти исторический сюжет лег в основу повести русского писателя Николая Семеновича Лескова «Левша», полное название которой звучит как «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881).

Последние годы жизни М. И. Платова постоянной спутницей донского атамана стала легендарная англичанка Элизабет, с которой его познакомила супруга русского посла в Англии и давнего приятеля атамана, княгиня Дарья Христофоровна Ливен, называвшая свою английскую подругу по-русски Елизавета Петровна, поскольку ее покойного отца звали сэр Питер. Неожиданно и надолго воспылавшая душой к донскому герою, Элизабет следовала за Платовым везде со времен его пребывания в Англии во второй половине мая – июне 1814 г., что нередко вызывало недоуменные вопросы даже со стороны лиц, хорошо и давно знавших графа. Однако, по утверждению историка А. А. Карасева, на Дону «все люди, не исключая и семьи графа, звали её ангелом и старались высказывать ей при всяком случае знаки душевного почтения и уважения». Как писал донской историк, Элизабет была «апостолом-женщиной», заступницей за всех обиженных [5, с. 2, 15].

Историк А. В. Венков для объяснения этого феномена вкладывает в уста атамана, отвечающего на очередной недоуменный вопрос, следующую фразу: «Это совсем не для физики, а вовсе даже для морали: во-первых, добрейшая душа; во-вторых, девка благонравная, а в-третьих... – тут он не выдержал и плотоядно облизнул губы, – ты погляди, какая она здоровая и белая, настоящая ярославская баба» [2, с. 404].

По сохранившимся свидетельствам [4, с. 366], семья встретила приезд на Дон Элизабет с большим неудовольствием, но очень скоро ее искренние заботы о Платове изменили отношение домашних к англичанке. Вдова из высшего английского общества все свое время посвящала престарелому атаману. Вначале она поехала за ним в Петербург, затем уж прибыла на Дон. Ее участливое отношение и к простым крестьянам, и к дворовым людям, и к родным и гостям атамана быстро располагало к себе. А. В. Венков неоднократно подчеркивает это обстоятельство, и к тому же мисс Элизабет обладала поистине бесценным даром «не лезть в глаза» и не доставлять никому никаких хлопот, нередко она тихо присаживалась где-нибудь в уголке, «молча слушала, Платов на нее нарадоваться не мог: ест, пьет, молчит и улыбается, славная женщина!» [2, с. 404, 409, 420]. Донские казаки, бывавшие во множестве у своего атамана, звали мисс Элизабет на свой лад – Миса (производное от английского слова «мисс»).

Два с половиной года преданная англичанка находилась рядом с донским атаманом, разделяя его все житейские заботы и радости. 3 января (15 января по новому стилю) 1818 г. Платова не стало. Последние три с половиной месяца граф сильно болел, и в эти дни у изголовья больного атамана практически постоянно находилась мисс Элизабет. Она безутешно рыдала, тяжело переживая уход из жизни своего героя, свою платоническую любовь.

Историк А. А. Карасев отмечал: «Постоянно рыдавшая около постели больного Миса, похоронив своего героя, на другой же день выехала домой, в свою Англию. На Мишкиной собралась вся дворня и молодые графы со своими близкими. Плакали хозяйева, а дворня и мелкие чиновники просто ревели. Когда она села в коляску и тронулась в Новочеркасск, чтобы оттуда пробраться на ближайшую станцию Казанского тракта, то толпа сопровождала ее до города и за город, попеременно восклицая: «милая ты наша голубушка, защитница ты наша и заступница!.. Дай Бог тебе здоровица на много лет и счастливой тебе дорожки!» Миса, отирая лицо платком и кланяясь на обе стороны, постоянно повторяла: «благодару... благодару»... [5, с. 15] С тех самых пор о знаменитой англичанке на Дону не получали больше никаких известий. Старший сын графа, Иван Матвеевич несколько раз писал ей в Лондон письма и даже обращался за помощью в розыске мисс Элизабет в русское посольство в британской столице. Увы, но полюбившуюся казакам Мису так и не удалось разыскать [3, с. 20].

Итак, запомнившийся англичанам донской атаман, если следовать его похвальной суворовской характеристике «повсю-

ду был... присутственен и подавал пример храбрости», а потому как истинный герой Наполеоновских войн заслужил искреннее уважение британцев. Мы обобщили факты биографии Матвея Ивановича, которые неразрывно связывали его жизненную траекторию с туманным Альбионом, и эти исторические свидетельства подтверждают давние и уникальные взаимосвязи британцев и представителей донского казачества, как одной из этнических групп Юга России. Признание исторической роли М. И. Платова в самых изысканных и хвалебных выражениях со стороны британцев демонстрирует мощный исторический потенциал для развития культурных контактов между народами наших стран, у которых есть общие признанные герои.

Использованная литература:

1. Астапенко М. П. Сабля атамана Платова [Электронный ресурс] // Победа. Общественно-политическая газета Аксайского района. URL: <http://www.pobeda-aksay.ru/2012/08/04/сабля-атамана-платова/> (дата обращения: 14.06.14).
2. Венков А. В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2008.
3. Данцев А. А. Спутницы атамана Платова // Новочеркасские ведомости. 2010. 28 июля – 3 авг. (№ 30).
4. Донцы XIX в. Ростов н/Д: Гинго, 2003.
5. Карасев А. А. Последние годы атамана графа Платова. Из памятной книжки А. А. Карасева. Новочеркасск: Изд. Ф. М. Туникова, 1908.
6. Корольченко А. Ф. Платан Платов: Исторический роман. М.: АСТ; Астрель, 2004.
7. Свиньин П. П. Ежедневные записки в Лондоне. СПб.: Тип. Императорского Воспитательного дома, 1817.
8. Смирный Н. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. Ростов н/Д.: NB, 2003. Ч. II.

**ENGLISH MARK IN THE LIFE TRAJECTORY
OF THE WHIRLWIND-ATAMAN MATVEY PLATOV**

SKORIK Alexandr P. – Dr. Sci. (National History), Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, Department of Theory of State and Law and Russian History, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

E-mail: s_a_p@mail.ru

In this article we consider one of the fragments of a biography of the hero of the Patriotic War of 1812 and participated in many other brilliant Russian victories, Don ataman, cavalry general, Earl M. Platov associated with his personal stay in England and passed by the author in historical detail, for the most part unknown,

as the general public and the scientific community. Britain and the British left an indelible mark in the memory of Don hero.

Keywords: Cossack Ataman M. Platov; Great Britain; the British public, the British media.

References:

1. Astapenko, M.P., Sablya atamana Platova (The Ataman Platov's Sabre). <http://www.pobeda-aksay.ru/2012/08/04/сабля-атамана-платова/>. Accessed June 14, 2014.
2. Venkov, A.V., Ataman Voyska Donskogo Platov (Platov. The Ataman of the Don Cossacks Army), Moscow: Veche, 2008.
3. Dantsev, A.A., Sputnitsy atamana Platova (The Companion of Ataman Platov), Novocherkasskie vedomosti, no. 30, July 28 – August 3, 2010.
4. Dontsy XIX veka (The Don People of the 19th Century), Rostov-na-Donu: Gingo, 2003.
5. Karasev, A. A., Poslednie gody atamana grafa Platova. Iz pamyatnoy knizhki A. A. Karaseva (The Last Years of Ataman Platov. From a Commemorative Book by Alexander Karasev), Novocherkassk: Izdatel'stvo F. M. Tunikova, 1908.
6. Korol'chenko, A.F., Platan Platov: Istoricheskiy roman (Sycamore Platov: Historical Novel), Moscow: AST; Astrel', 2004
7. Svin'in, P.P., Ezhednevnye zapiski v Londone (Daily Notes of London), Saint-Petersburg, 1817.
8. Smirnyy, N., Zhizn' i podvigi grafa Matveya Ivanovicha Platova (Life and Deeds of Count Matvei Ivanovich Platov), Vol. 2, Rostov-na-Donu: NB, 2003.

Т. В. Панкова-Козочкина*

КАЗАК ЗЕМЛЯНУХИН И АНГЛИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ: ПОИСК МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье раскрывается история пребывания простого донского казака Александра Григорьевича Землянухина в Англии с миссией посланца от русской армии, совершавшей заграничные походы в 1813 г. в ходе завершения Наполеоновских войн. Для британцев донской казак стал своеобразным культурным феноменом в понимании образов Иного и Не-Чужого, представлявшего русскую армию и русскую культуру одновременно.

* ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасского политехнического института) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия. Электронная почта: p_k_t_v@mail.ru.